

На правах рукописи

ГРОМОВ
Дмитрий Вячеславович

УЛИЧНЫЕ АКЦИИ
МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЗИРОВАННЫХ СООБЩЕСТВ
КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ

Специальность 07.00.07 –
этнология, этнография, антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва 2013

Работа выполнена в Центре этнополитических исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор,
заведующая сектором этногендерных
исследований Института этнологии и
антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН

Н.Л. Пушкарева

Официальные оппоненты:

Доктор социологических наук; Москов-
ский гуманитарный университет

Д.Л. Агранат

Доктор исторических наук; Российская
академия народного хозяйства и государ-
ственной службы при Президенте РФ

К.В. Калинина

Доктор исторических наук; Институт
этнологии и антропологии им. Н.Н. Мик-
лухо-Маклая РАН

И.А. Морозов

Ведущая организация:

Российский государственный гуманитарный университет.

Защита состоится 18 июня 2013 г. в 14-30 на заседании диссертационного совета Д 002.117.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Институте этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН по адресу: Москва, Ленинский просп., 32 а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Автореферат разослан 16 мая 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета, доктор исторических наук

А.Е. Тер-Саркисянц

Общая характеристика исследования

Актуальность исследования обусловлена, в первую очередь, большой значимостью для общества молодежи как активной социально-возрастной группы, выступающей субъектом социальных преобразований, в том числе в сфере политики. От социализации молодежи зависит положение в обществе через ближайшие 10–15 лет; ее деятельность обуславливает динамику социума в целом: «Чем больше инноваций в обществе, и особенно в молодежной субкультуре, тем короче сроки превращения инноваций в традиции»¹.

Молодежь как социально-возрастная группа объединяет юношей и девушек от 14–15 до 23–24 лет (по некоторым оценкам – до 35 лет). Эта часть населения активно задействована в общественной жизни, ей свойственно создавать сообщества сверстников.

Один из типов объединений молодежи – *молодежные политизированные сообщества* различной направленности. В России эти сообщества возникли постепенно, на протяжении последних двух с половиной десятилетий сформировав целостное поле, охватывающее весь идеологический спектр политической активности.

Сложилась определенная традиция деятельности данных групп; основным элементом этой деятельности, по нашему мнению, являются *уличные акции*. Уличные акции – одна из форм политического действия; к их числу относятся демонстрации, шествия, митинги, пикеты, перформансы, хэппенинги и т.д. Во всем мире наибольшую активность в проведении уличных акций проявляет молодежь, Россия в данном случае не исключение.

Молодежные политизированные сообщества действуют в рамках самых разных идеологий; различаются и их социально-антропологические характеристики, однако при этом практически все сообщества проводят уличные акции. Хотя некоторые сообщества могут уделять большое внимание другим формам деятельности, но самопрезентация через акции происходит почти всегда. С помощью акций формируются информационные послы – молодежные сообщества получают возможность презентации своей позиции в политическом пространстве.

Под *акционизмом* в нашем диссертационном исследовании понимается практика специфических групповых и индивидуальных действий, направленных на формирование какого-либо информационного послы и имеющих черты театрализованной презентации. Для изучения подобных

¹ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 164.

групповых самопрезентаций удобно применение традиционного для интерпретативной антропологии метода социальной драматургии².

С помощью акций участники политизированных сообществ высказывают свои политические требования, стараются (и иногда успешно) оказать влияние на решение различных социально-политических вопросов. Появление данной общественной силы укладывается в процессы, описанные В.А. Тишковым: «Традиционное обществоведение анализирует в обычной дихотомии понятия “власть” и “народ”. Однако общественная либерализация породила нового актора среднего уровня. (...) Под этой категорией я понимаю слой активистов, политических (...) предпринимателей, действующих вне институциональной власти и системных отношений. Это (...) новое явление со своей древней и современной культурной спецификой»³.

Хотя молодежные политизированные сообщества и в России, и во всем мире маргинальны по отношению к «взрослой» политике, но можно привести многочисленные исторические примеры эффективной деятельности этих сообществ в ситуациях политических кризисов, когда молодежь выступает «как движущая сила революции». Для новейшего времени это, например, события «студенческой революции» во Франции (1968 год), антивоенное движение конца 1960-х – начала 1970-х годов в США и движение хунвенбинов в годы культурной революции в Китае (последнее явление внешне не похоже на первые два, но сходно с ними с той точки зрения, что инструментом социальных преобразований является молодежь). В начале XXI века примерами эффективности уличного акционизма как политического приема стали многочисленные «цветные революции», произошедшие в мире: революция в Югославии (2000 г.), «революция роз» в Грузии (2003 г.), «оранжевая революция» на Украине (2004 г.), события в Киргизии (2005 и 2010 гг.) и Ливане (2005 г.). Осуществлялись попытки осуществить смену власти по «цветным» методикам в Белоруссии (2006 г.), Армении (2008 г.), Молдавии (2009 г.). В 2010–2012 годах волнения, иногда сопровождаемые сменой власти, прокатились по арабским странам. Причины повышения молодежной активности в периоды радикальных политических преобразований требуют изучения. Понимания сути и механизмов уличного политического акционизма требует и всплеск политической активности, наблюдавшийся в России во время зимнего политического противостояния 2011–2012 годов.

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена, помимо прочего, большим значением для политической жизни уличных акций молодежных политизированных сообществ. Социально-

² Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная антропология. Ростов-н/Д, 2004. С. 48–50.

³ Тишков В.А. Политическая антропология. Курс лекций. Нью-Йорк, 2000. Цит. по: <http://www.valerytishkov.ru>.

антропологическое рассмотрение даст возможность понять механизмы осуществления данных практик, их структурную вариативность, закономерности исторического развития политического акционизма. Это должно дать возможность более полно понять активность молодежи, обусловленную ее положением в обществе и социально-возрастным развитием.

Результаты социально-антропологического анализа, произведенного в диссертационном исследовании, могут быть использованы в различных областях знания, связанных с изучением общества и человека – истории, социологии, культурологии, социальной психологии, политологии, искусствоведении и др., а также при оперативном анализе актуального материала, связанного с политической активностью молодежи.

Степень научной разработанности проблемы. Наша диссертация вписана в обширный исследовательский контекст, формировавшийся на протяжении нескольких десятилетий. Адекватное описание и теоретическое осмысление уличного политического акционизма были бы невозможны без учета социально-антропологических и социологических исследований молодежи как социально-возрастной группы, технологии уличного политического акционизма, праздничной и обрядовой культуры, молодежных политизированных сообществ и проч. Особого упоминания заслуживает концепция социальной драматургии И. Гофмана, использованная нами для анализа «театральности» уличного акционизма. Подробно круг работ, на которых базируется наше исследование, рассматривается в первой главе диссертации.

Однако при столь широкой теоретической и информационной базе до сих пор не проведено комплексного анализа уличного акционизма молодежных политических сообществ России с точки зрения социальной антропологии и истории.

Объектом нашего исследования являются молодежные политизированные сообщества постсоветской России.

Предмет исследования – уличный акционизм как одна из основных форм активности молодежных политизированных сообществ. Под акционизмом понимается практика специфических групповых и индивидуальных действий, направленных на формирование какого-либо информационного посыла и имеющих черты театрализованной презентации. Рассмотрение данного предмета включает социально-антропологическое исследование широкого круга факторов, обуславливающих характер акционизма: структуризацию и историю формирования поля молодежных политизированных сообществ, структурный анализ акции как социального явления; юридический и социокультурный контекст акционизма, манипуляцию информацией в социально-политической сфере и др.

Цель исследования: выявление причин и механизмов проведения уличных политических акций, самопрезентации молодежных сообществ через уличный акционизм.

Для достижения поставленной цели в диссертации решаются следующие конкретные **задачи**.

1. Основываясь на социально-антропологическом подходе, проанализировать причины проведения и механизмы уличных акций как формы активности политизированной молодежи.

2. Описать молодежный политический дискурс в России: структуру поля политизированных сообществ, историю его развития, а также типологию и общие параметры молодежных политизированных сообществ.

3. Проследить историю развития молодежного политического дискурса в России на протяжении постсоветских десятилетий (конец XX – начало XXI вв.), последовательность формирования различных блоков молодежных сообществ и репертуара уличного акционизма.

4. Рассмотреть основные направления акционизма, основные принципы поведения активистов в пространстве акции. С помощью структурного анализа составить модель, позволяющую показать взаимосвязь и вариативность разных элементов акционизма.

5. Структурировать массив уличных акций с точки зрения театрализованной самопрезентации, выделить элементы структуры акции согласно теории социальной драматургии: передний план (групповой и личный), сформированный исполнением; обстановку, сценическое оснащение; зоны переднего и заднего плана; приемы управления впечатлениями и т.д.

6. Рассмотреть виртуальную борьбу в Интернете как продолжение уличного акционизма.

7. Рассмотреть уличный политический акционизм в культурно-историческом контексте – в рамках развития праздничной культуры, обрядовости и др.

Методология исследования. В ходе работы использовались традиционные этнографические методы сбора и анализа информации: *включенное наблюдение* и *насыщенное описание с последующими семиотическими интерпретациями, основанными на структурном анализе типологически близких явлений*.

Системный комплексный подход опирается в нашей работе на классические этнографические методы сбора материалов, предполагающие разработку темы с использованием различных источников.

Методологической основой нашего диссертационного исследования является *структурный анализ* – большое количество частных явлений мы сводим к типовой структуре, представляющей собой театрализованную самопрезентацию, выстроенную по определенным принципам. Данная структура вариативна, но при всей вариативности в общих чертах остается постоянной. Большое количество структурированных семиотических систем является порождением общей структуры рассматриваемого явления. Так, структурный анализ позволяет увидеть, что при внешнем разнообразии форм уличных политических акций они сводятся к набору

элементов гофмановского театрализованного представления. Можно выявить зависимость параметров этих акций (их вариативность) от политического направления, к которому себя относит группа; объема и характера ресурсов, которые она может привлечь; политической конъюнктуры, моды и т.д.

Социально-драматургический подход позволяет в качестве инструмента для выявления «театрального» характера рассматриваемых явлений использовать анализ с точки зрения социальной драматургии И. Гофмана.

Культурно-исторический подход позволяет рассмотреть поведение активистов и явление в целом в рамках конкретных условий, детерминированных культурно-исторической ситуацией. Например, проследить зависимость акционистской активности от цикличности парламентских и президентских выборов; выявить обусловленность возникновения тех или иных сообществ и форм поведения политическими и социальными причинами.

Системно-функциональный подход предполагает выявление функционального назначения различных составляющих рассматриваемого явления. Например, понимание социально-драматического характера акции позволяет понять функциональную роль представителей правоохранительных органов, являющихся декорацией, подчеркивающей экстремальный характер происходящего.

Благодаря *культурологическому подходу* мы имеем возможность выявлять в элементах театрализованного уличного действия историческое влияние различных культурных форм. Например, дает возможность дополнительного осмысления сходство стиля поведения активистов во время акций и стиля, принятого на рок-концертах. Культурологическое сравнение дает возможность увидеть пересечение традиций акционизма с традициями праздничной культуры и окказиональной обрядовости.

Источниковедческий анализ. В ходе работы были использованы следующие **источники информации**.

1. Документация молодежных политизированных организаций.
2. Публицистические, мемуарные и художественные произведения участников молодежных политизированных организаций.
3. Аналитические и обзорные публикации о молодежном политическом дискурсе.
4. Отчеты об акциях. Имеются в виду сообщения об акциях, которые выкладывались по их окончании в СМИ и Интернете. Содержат не только тексты, но и фото- и видеозаписи. Проанализированы отчеты более чем по 250 акциям.
5. Данные, полученные методом включенного наблюдения. Большей частью это было личное посещение акций с наблюдением, фото- и видеофиксацией; всего около 60 акций. Наблюдение производилось и на

других мероприятиях: собраниях, неформальных встречах, концертах субкультурной музыки и др. Помимо прочего, собран архив из 2500 собственных фотографий, 70 из них использованы для иллюстрирования диссертации.

6. Данные интервью с участниками уличных политизированных сообществ (руководителями и рядовыми активистами). Взято более 40 интервью.

Специфика предмета исследования такова, что не все перечисленные виды источников задействованы в равной степени, на первое место выдвигаются методы оперативного сбора информации. По степени значимости источники распределяются следующим образом (в убывающем порядке): данные, полученные методом включенного наблюдения; отчеты об акциях; данные интервью; аналитические и обзорные публикации; документация молодежных политизированных организаций; публицистические, мемуарные и художественные произведения; данные, полученные методом экспертной оценки.

Полевые и исторические исследования, которые легли в основу данной диссертации, проводились нами в 2005–2012 годах.

Хронологические рамки диссертационного исследования обусловлены временем существования в постсоветской России молодежных политизированных сообществ.

Нижняя граница исследуемого периода – начало 1990-х годов (время возникновения собственно молодежных политизированных сообществ и проведения ими первых уличных акций). Строго говоря, уличный политический акционизм появился в России как минимум со второй половины XIX века, с возникновением групп, испытывающих потребность выразить собственную позицию через совместное публичное действие. С точки зрения акционизма можно рассмотреть события революций 1905 и 1917 годов. В советские времена политический акционизм организовывался централизованно и не выходил за рамки идеологических ограничений; вряд ли можно уверенно говорить и о специфически молодежных акциях. С начала 1990-х годов политический уличный акционизм вышел на новый уровень, что было обусловлено политической свободой, плюрализмом мнений, допустимостью уличных политизированных самопрезентаций (идеологической, юридической, стилевой), возможностью информационного освещения акции через СМИ, а позже и через Интернет.

Верхняя граница – конец 2011 года. События зимы 2011 – весны 2012 годов, связанные с парламентскими и президентскими выборами, используются нами как вспомогательный материал (отказ от этого интереснейшего материала обуславливается рядом причин, изложенных в диссертации).

Обрисовывая объект, предмет и цель исследования, рассматривая его методологию и фактологическую базу, необходимо пояснить некоторые

объективные ограничения, обусловленные спецификой исследуемого материала.

1. Дискурс молодежной политической деятельности *находится в процессе непрерывного развития*; информация, получаемая в ходе интервью и включенных наблюдений, быстро устаревает. Постоянно возникают новые методы самопрезентации, и напротив, устаревшие методы забываются. Помимо объективных причин, на изменение уличных форм самопрезентации влияет и такое понятие, как мода – некоторые формы деятельности входят в моду и затем из моды выходят, уступая место другим. На политической сцене появляются новые игроки, а старые могут значительно изменяться.

Ввиду этого представляется недостаточно эффективным создание «временного среза» деятельности политизированных субкультур, их описание только «здесь и сейчас». Приходится абстрагироваться от фактора времени, приводить для сравнения факты не только «сегодняшние», но и относящиеся к событиям определенной давности. При этом, описывая факты, мы старались указывать дату их бытования, осуществлять привязку тех или иных явлений к моментам времени, когда они были актуальны. При таком подходе появлялось больше возможностей для анализа – иногда удавалось проследить развитие того или другого явления, увидеть его в динамике.

2. Молодежный политический дискурс *неоднороден*. Как будет показано ниже, рассматриваемые движения могут быть разделены на несколько групп, каждая из которых обладает собственной спецификой, в том числе связанной с проведением уличных акций. Некоторые из этих групп занимают по отношению друг к другу антагонистическую позицию. Однако мы считаем, что при наличии большого количества внешних несходств политические молодежные движения все-таки можно и нужно рассматривать в единстве.

3. Рассматриваемое движение *неоднородно территориально*. Ключевые события политической жизни совершаются преимущественно в Москве, Санкт-Петербурге, других крупных городах. Хотя в провинции (особенно в малых и средних российских городах) уровень социальных проблем несравненно выше, но именно в столице высок уровень политической активности, именно здесь осуществляются политические уличные акции.

4. Часто события, связанные с уличной самопрезентацией молодежных политизированных сообществ, *трудно отделить от «взрослого» политического дискурса*. Эта проблема включает две составляющие. Во-первых, во многих акциях, особенно многолюдных, принимают участие люди разного возраста, не только молодые, хотя поведение молодежных колонн заметно отличается от поведения остальных демонстрантов, что позволяет говорить именно о молодежном стиле. Во-вторых, часто вызы-

вает затруднение сам факт отнесения той или иной политизированной организации к числу молодежных.

5. Часто оказывается довольно сложно *отделить политический уличный акционизм от неполитического*. Дело в том, что акции проводят многие социальные группы, стремящиеся обеспечить собственные интересы. Под категорию неполитических акций подпадают: выступления групп граждан для решения конкретных экономических проблем, по защите корпоративных интересов; субкультурные и студенческие самопрезентации; выступления в защиту прав женщин; акции экологического движения, объединений по интересам; уличные концерты; рекламные акции; террористические акты и мн. др. Мы вынуждены отказаться от рассмотрения таких акций, ограничившись только акциями сообществ, имеющих четкое политическое позиционирование.

6. Хотя уличные акции и являются одним из важнейших элементов деятельности молодежных политизированных сообществ, но надо признать, что *проводят их не все*. Можно указать определенное количество молодежных сообществ, которые явно относятся к сфере политического, но уличным акционизмом занимаются мало: например, молодежные правительства и сообщества, созданные для организации образовательной, спортивной, досуговой и проч. деятельности.

Научная новизна. В диссертации впервые с помощью научной методологии произведено детальное социально-антропологическое рассмотрение уличных акций, осуществляемых молодежными политизированными сообществами в России 1990-х – 2010-х годов. Произведены структуризация и динамическое исследование поля политизированных молодежных сообществ, рассмотрены их основные параметры и вариативность этих параметров. Выявлены общие черты технологического построения акции – ее подготовки, проведения, информационного закрепления успеха. Акционизм структурирован инструментами социальной драматургии. Указаны основные принципы уличного акционизма в России и поведения активистов во время акции. Политический акционизм рассмотрен в культурологическом контексте – в рамках развития праздничной культуры, обрядовости и др.

Теоретическая значимость работы. В диссертации намечены черты нового исследовательского направления – анализа уличных коллективных действий инструментами социальной драматургии. Показана возможность применять теорию социальной драматургии не только к индивидуальным, но и к коллективным самопрезентациям. Также работа показывает возможность применения структуралистского подхода к современным социальным явлениям.

Практическая значимость. Результаты исследования позволяют понимать механизмы уличного акционизма и мотивацию активистов, которые в этих акциях участвуют. По нашему мнению, перевод уличной по-

литической активности в пространство, понятное всем участникам политического процесса, дает противоборствующим сторонам возможность адекватно воспринимать друг друга, позволяет наладить политический диалог и смягчать наиболее радикальные деструктивные проявления, причем не столько со стороны уличных активистов, сколько со стороны представителей власти.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Уличные акции молодежных политизированных сообществ как социальное явление обусловлены комплексом детерминирующих политических, социальных, социокультурных, правовых, технологических, социально-психологических факторов, сводящихся к наличию объективных возможностей создания информационных посылов политического характера и субъективных потребностей в активизме.

2. На протяжении первой половины 1990-х – 2011 года в России сформировалось поле молодежных политизированных сообществ, охватывающее широкий спектр идеологических направлений и обладающее обширным репертуаром акций. Формирование этого поля и репертуара происходило поэтапно, во многом было обусловлено четырехлетним политическим циклом.

3. С точки зрения социально-антропологического структурно-функционального анализа уличная политическая акция может рассматриваться как театрализованное действие, направленное на создание информационного посыла – определенного идеологически и политически выдержанного сообщения или образа.

4. Публичный характер уличной акции позволяет структурировать ее с точки зрения социальной драматургии, выделив такие элементы, как передний план (групповой и личный), сформированный исполнением; обстановку, сценическое оснащение; зоны переднего и заднего плана; приемы управления впечатлениями и т.д. При детализации структуры перечисленные составляющие могут быть представлены как информационный посыл, зрители, сценарий, стратегия, тактика, декорации, реквизит, ведущий и т.д.

5. Социокультурные параметры молодежных политизированных сообществ и их стиля уличного акционизма варьируются в зависимости от места группы в поле молодежных политизированных сообществ, сформировавшемся за последние два десятилетия.

6. Социально-антропологические характеристики современного политического акционизма в России – ненасильственное действие, юридическая неуязвимость активистов. При этом большинство акций предполагает конструирование пространства экстремальности для их участников.

7. Виртуальное пространство Интернета является зоной политического акционизма, в которой, помимо прочего, осуществляется информационная поддержка уличных мероприятий.

8. По ряду параметров уличный политический акционизм сопоставим с категориями праздника и обряда, он встраивается в их историческое развитие.

Апробация исследования. Результаты исследования апробированы в публикациях автора 2000–2012 годов общим объемом 41 п.л., в том числе в 23 публикациях в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ (в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук) и 53 публикациях в других научных изданиях: зарубежных (Великобритания), российских центральных (Москва, Санкт-Петербург) и региональных (Нижний Новгород, Нижневартовск, Петрозаводск, Орел, Ярославль, Ильинский погост). Комплексная разработка отдельных тем диссертационного исследования происходила в рамках составительской и редакторской работы над тематическими сборниками Института этнологии и антропологии РАН «Молодежные субкультуры Москвы» (2009), «Молодежные уличные группировки: введение в проблематику» (2009), «Мужской сборник» (вып. 2 – 2004 г.; вып. 3 – 2007 г.), сборниками тезисов конференций ИЭА по гендерной тематике (2003, 2004, 2007 гг.), а также тематическими подборками «Молодежные субкультуры современного российского города» («Этнографическое обозрение». 2008. № 1), «Слухи: закономерности возникновения и функционирования» («Традиционная культура». 2011. № 1), «Протестные митинги в декабре 2011 г.: опыт оперативного исследования» («Антропологический форум». Вып. 16 online. 2012), «Фольклор молодежных сообществ» («Традиционная культура». 2012. № 1).

Отдельные положения диссертации излагались автором в 1999–2012 годах в докладах на 46 научных конференциях и мероприятиях, из которых 20 – международные, посвященные самым разнообразным проблемам социальной антропологии, социологии, этнологии, возрастной психологии, литературоведения и др. Ряд положений диссертации обсуждался на VI (Санкт-Петербург, 2005 г.), VII (Саранск, 2007 г.), VIII (Оренбург, 2009 г.) и IX (Петрозаводск, 2011 г.) Конгрессах этнографов и антропологов России; в том числе на VIII Конгрессе диссертантом была организована секция «Молодежные субкультуры».

Результаты исследования нашли применение в реализации научного проекта «Российская повседневность за десять веков в зеркале гендерных отношений: тенденции, динамика, перспективы изменений» (руководитель – д.и.н., проф. Н.Л. Пушкарева) при поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Также исследования были поддержаны индивидуальным грантом РГНФ – проект № 06-01-00175 «Молодежные сообщества современного

русского города: структура, обслуживающая социально возрастной переход» (2005–2008 гг.).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, восьми глав, разделенных на параграфы, заключения, списка литературы и приложения. В приложении содержатся иллюстрации, большей частью это фото автора. Структура работы обусловлена задачами исследования.

Основное содержание работы

Во **введении** к диссертации обосновывается актуальность исследования, новизна и значимость (теоретическая и практическая) его результатов, формулируются цель и задачи, описываются методы и методология исследования, производится источниковедческий анализ. Определяются хронологические рамки исследования и ограничения, которые накладываются спецификой исследуемого материала. Описывается апробация результатов исследования.

Глава I «Исследование уличной политической активности: теоретические основы» содержит обзор литературы, помогающей проанализировать эмпирический материал, собранный в ходе полевого исследования. Данное диссертационное исследование является социально-антропологическим, и его теоретической основой, соответственно, являются идеи и методологии, разработанные в социальной антропологии. Однако необходимо учитывать, что комплексное исследование предполагает привлечение материалов и из других наук.

Ввиду того, что базовым принципом диссертационного исследования является *структуралистский анализ*, необходимо рассмотрение работ структуралистов, прежде всего К. Леви-Стросса (Lévi-Strauss С.). Современными исследователями использование данного принципа часто не осознается ввиду его универсального характера – рассмотрение явления как имеющего собственную структуру и являющегося частью еще более сложной структуры является привычным для современных социальных наук. При всем многообразии явлений акционизма видно, что они сводятся к типовой структуре, представляющей собой театрализованную самопрезентацию, выстроенную по определенным принципам и призванную сформировать информационный посыл. Данная структура вариативна, что обусловлено рядом факторов: политическим направлением, к которому себя относит сообщество; объемом и характером ресурсов, которые оно может привлечь; политической конъюнктурой, модой и т.д. Но при всей вариативности общая схема остается постоянной.

Исследование молодежи как социальной группы имеет долгую историю (É. Durkheim, Т. Parsons, S.N. Eisenstadt и др.). Устойчивый научный интерес к молодежи как социальной группе утвердился в конце 1960-х –

начале 1970-х годов, вслед за появлением собственно молодежных сообществ в их современном понимании (D. Hebdige, M. Maffesoli, S. Thornton и др.). Молодежь рассматривается как социально-возрастная группа, которой свойственна контркультурность (Th. Roszak и др.) и революционность (H. Marcuse, J. Rowntree, M. Rowntree и др.). Современные исследования показывают, что количество молодежи в обществе коррелирует с различными видами государственной нестабильности, особенно с революционными и этническими войнами.

В Советском Союзе исследования молодежи начали развиваться в 1960-х годах, однако их недостатком, как нам кажется, была малая представленность социально-антропологического подхода, что обуславливалось бытовавшими в те времена представлениями об идеологически выдержанной подаче материала. Более детальный подход к молодежной повседневности появился в последние десятилетия XX века (В.Ф. Пирожков, Т.Б. Щепанская, Е.Л. Омельченко, В.А. Луков, В.Т. Лисовский, Ю.Г. Волков, В.И. Добренков, Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, Д.Л. Агранат, О.А. Аксиутина, М.Д. Алексеевский, К.Л. Банников, С.В. Беликов, И.Ю. Борисов, В.А. Гуцин, В.И. Ильин, М.Л. Лурье, А.А. Панов, Д.Б. Писаревская, С.А. Стивенсон, В.Р. Халикова и др.).

Возрастная психология позволяет дополнить социально-антропологическое знание о молодежи и молодежных сообществах информацией о психических процессах (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Э. Штерн, И.С. Кон, Г.В. Жарков, И.Ю. Кулагина, М.И. Дьяченко, В.С. Мухина, Е.И. Туревская и др.).

Технология уличного акционизма посвящено большое количество литературы разного типа. Это теоретические работы участников общественно-политических движений, практические рекомендации, научная и публицистическая литература.

В ряду теоретических работ стоит указать прежде всего тексты по ненасильственным практикам сопротивления и политического воздействия, начиная с работ классиков и заканчивая современными трудами как зарубежных (W.R. Miller, H. Zinn, J. Finn, D. Dellinger, J. Ferguson, G. Keyes, G. Lakey, N. Altman, G.A. Vanderhaar, R.H. Banton, P. McManus, D. Smuts, G.D. Paige, M. Spark, P.K. Kelly), так и российских авторов (А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян). Ненасильственные действия вошли в теорию и практику акционизма, пристальнейшее внимание ненасилию уделяет и литература по технологии уличного протеста.

Наиболее известным автором, пишущим о технологии протеста, является Дж. Шарп (G. Sharp), который, анализируя уже накопленный мировой опыт, составил классификационный список из 198 методов ненасильственного сопротивления, объединенных в группы: ненасильственного протеста и убеждения; отказа от социального сотрудничества; отказа от экономического сотрудничества (бойкоты и забастовки); отказа от поли-

тического сотрудничества; ненасильственного вмешательства. Еще одна заметная книга, посвященная технологии ненасильственного акционизма, написана несколько позже Р. Хелвеем (R.L. Helvey).

Начиная с конца 1990-х годов материалом для изучения уличного акционизма стали так называемые «цветные революции». Механизмы таких революций, происходящих в разных странах, рассматривали и зарубежные авторы (McFaul M., Fobrig J., Schock K., Tucker J.A., Beissinger M.R., Torbat A.E., Bunce V.J., Wolchik S.L. и др.), и русскоязычные (Е. Чимирис, Д. Яневский, Г.Г. Почепцов, Н.А. Нарочницкая, А. Гапич, Д. Лушников).

Дополнительные возможности мобилизации для протестных акций указал Г. Рейнгольд (H. Rheingold) – это новые технические средства коммуникации, прежде всего мобильная связь и Интернет. С помощью этих средств можно в короткое время собирать большие группы людей и координировать их действия.

Различным *молодежным политизированным сообществам России* были посвящены статьи авторов двух сборников, посвященных молодежи Санкт-Петербурга, подготовленных В.В. Костюшевым в 1990-х годах. Оперативные социологические исследования дают нам возможность составить представление о ряде организаций тех лет: Санкт-Петербургской Федерации социалистической молодежи (Е. Миронова), Санкт-Петербургской Ассоциации студенческих профсоюзных организаций (Б. Нахамчин), городских отделений «Молодежного Яблока» (Т. Голова) и Национал-большевистской партии (А. Топорова); также производится обзор молодежных политических организаций Санкт-Петербурга со второй половины 1980-х до середины 1990-х годов (П. Быстров).

Среди исследований политизированной молодежи последних лет можно выделить работы В.В. Костюшева, посвященные протестным движениям; в частности, хотелось бы отметить статью, в которой современный художественный акционизм политической направленности рассматривался с точки зрения концепции М.М. Бахтина. Большой интерес представляют работы М.М. Соколова, В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок, М. Кордонского, М. Кожаринова, К. Клеман, О. Мирясовой, А. Демидова, Т.Б. Щепанской.

Важным подспорьем в исследовании молодежного политического акционизма в России являются актуальные журналистские публикации (В.А. Савельев, О.В. Кашин, Е.В. Лоскутова и др.). Повальный интерес к молодежному политическому активизму во второй половине 2000-х годов привел к появлению статей и книг, содержащих не только исследования молодежных политических движений, но и рекомендации по их организации (О.М. Карпенко, И.А. Ламанов, П.В. Данилин и др.).

Для понимания темы важно учитывать литературу, посвященную информационной борьбе, распространению слухов и потокам информации в Интернете, акционизму как форме современного искусства.

Отдельный параграф главы I посвящен рассмотрению социально-антропологической концепции *социальной драматургии* И. Гоффмана (E. Goffman) как базы для анализа уличных акций. Гоффман рассматривал социальную драматургию большей частью применительно к индивидуальной самопрезентации и межличностному общению; основными составляющими индивидуального спектакля при этом являлись исполнение (performance), передний план (front), обстановка, сценическое оснащение (stage props), зона переднего плана (front regions), зона заднего плана (back regions), управления впечатлением (impression management), фрейм (frame).

В диссертации дается более широкое понимание социальной драматургии – применительно к коллективным самопрезентациям в ходе уличных акций. Предлагается выделение следующих категорий.

1. Информационный посыл (парагр. III.2). Своими действиями участники акции стремятся сформулировать какую-нибудь мысль (например, выразить одобрение или неодобрение какой-нибудь политической платформе, какому-нибудь политическому деятелю, событию и др.). По сути, информационный посыл является основной целью проведения акций.

2. Зрители (парагр. IV.1) – люди, воспринимающие информационный посыл. При этом спектакль исполняется не для непосредственного потребителя информации, а для некоего посредника, который должен переработать информацию и донести ее до зрителей. Такими посредниками являются прежде всего средства массовой информации и Интернет.

3. Сценарий – заранее продуманный алгоритм проведения акции, призванный создать определенный передний план и, как следствие, информационный посыл.

4. Стратегия – общая концепция проведения акций политизированным сообществом. Предполагает выработку идеологической концепции и стилистики (парагр. III.2), систему мобилизации ресурсов (в том числе привлечения участников) (парагр. III.4), выбор основных принципов и типов акций (парагр. III.1, IV.4) и др. Тактика (парагр. IV.5) – набор приемов создания переднего плана группы во время исполнения уличной акции.

5. Декорации и реквизит (парагр. IV.2–IV.3) – составные части обстановки уличного спектакля политизированного сообщества.

6. Ведущий (парагр. IV.7) – координатор действий участников спектакля.

7. Вторичное формирование ситуации (парагр. IV.6) – оперативное реагирование на изменение обстановки проведения акций и внешние воздействия.

8. Критики (парагр. V.2–V.8) – люди и организации, оказывающие информационную поддержку спектакля или, наоборот, дискредитирующие его (выбор критической позиции, как правило, определяется политическим позиционированием критика – является он единомышленником или антагонистом участников акции).

9. Исполнители спектакля – собственно участники акции.

Структура политической уличной акции в целом совпадает со структурой *спектакля* как театрализованного действия. *Исполнители* акции согласно заранее продуманному *сценарию*, основанному на *стратегии* (репертуарной политике) и предполагающему возможность импровизации (*вторичного формирования ситуации*), производят действие, призванное оказать воздействие на *зрителя*. Исполнение (создание переднего плана) производится с помощью *декораций* и *реквизита*, с использованием *тактических приемов* и при участии *ведущего*. Целью спектакля является формирование *информационного посыла*; по окончании спектакль подвергается *критике*.

Глава II. «Молодежные политические движения постсоветской России: история, структура, основные параметры, направления деятельности» посвящена рассмотрению общих характеристик социальной среды, в которой осуществляются акции, динамике ее развития, а также специфике уличного акционизма как ключевой формы деятельности молодежных политизированных сообществ.

Под *акционизмом* понимается практика специфических групповых и индивидуальных действий, направленных на формирование какого-либо информационного посыла и имеющих черты театрализованной презентации. Уличные политизированные акции относятся к числу социокультурных явлений, основанных на публичной самопрезентации социальных единиц (групп активистов, организованных в большей или меньшей степени). Согласно теории социальной драматургии, социокультурная самопрезентация подобного рода рассматривается как театрализованное действие, предполагающее сценарий, декорации, зрителей, технологию воздействия и т.д. Примечательно, что категории «акция», «акционизм» осмысливаются одновременно и политикой (публичные общественно-политические действия, ставящие целью привлечь внимание к какому-либо факту, событию или группе), и современным искусством.

Молодежные политизированные сообщества относят себя к разным идеологиям, различаются и их социально-антропологические характеристики – нормативное поведение, стиль самопрезентации, способы мобилизации участников и др. Однако при этом практически все они проводят уличные акции. Это одна из основных форм деятельности данных групп; некоторые группы могут уделять большое внимание другим формам деятельности (социальной работе, обучению, творчеству и др.), однако при этом почти всегда происходит самопрезентация через акции (парагр. II.1).

Мы выделяем шесть блоков, объединяющих молодежные политизированные сообщества: 1) проправительственные («Наши», «Молодая гвардия», «Россия молодая», «Местные» и др.); 2) державные (Евразийский союз молодежи, Союз молодежи «Ура!» (бывш. «За Родину!») и др.); 3) левые – коммунистической направленности (Авангард красной молодежи, Союз коммунистической молодежи, Левый фронт и др.); 4) леворадикальные (анархисты); 5) либерально-демократические («Оборона», «Молодежное Яблоко», Московский молодежный «Союз правых сил», «Мы», «Да!» и др.); 6) ультраправые (Движение против нелегальной иммиграции, «Славянский союз» и др.).

Эти шесть блоков, или направлений образуют поле молодежных обществ России. В диссертации предложена классификационная модель, позволяющая представить блоки данного поля в качестве единой системы взаимосвязанных элементов. Для этого поле молодежных политизированных сообществ сопоставляется с общей схемой политических идеологий (известной как диаграмма Нолана), включающей оси «левые – центристы – правые» и «авторитаризм – центризм – либертарность». Важным выводом сопоставления является то, что молодежные политизированные сообщества охватывают практически все возможные сферы современного политико-идеологического пространства (парагр. II.2).

Исторически формирование такого социополитического пространства происходило в течение последних двух десятилетий – с начала 1990-х до начала 2000-х годов. Этот процесс был постепенным – идеологическое пространство, представленное на упомянутой выше модели, было заполнено не сразу. Формирование поля молодежных политизированных сообществ в России включает пять этапов.

Этап I: конец 1980-х – 1994 годы. Деятельность молодежи в рамках «взрослых» политических движений. Возникновение первых молодежных сообществ. Проведение первых уличных акций в рамках левого движения.

Этап II: 1995–1998 годы. Возникновение НБП – организации, активно развивающей уличный акционизм. Преобладание в молодежном политическом дискурсе оппозиционных движений.

Этап III: 1999–2004 годы. Дальнейшее развитие левого, либерально-демократического и национал-большевистского направлений. Оформление ультраправого молодежного направления. Возникновение проправительственных молодежных организаций и, одновременно с этим, переход части оппозиции (НБП) к более четко выраженной оппозиционности.

Этап IV: 2005–2007 годы. Общий всплеск активности, во многом обусловленный волной «цветных революций». Возникновение мощного проправительственного молодежного движения. Возникновение державных организаций. По охвату политического спектра и интенсивности деятельности молодежный политический дискурс достиг своего макси-

му. Существование поля молодежных политизированных сообществ в полном объеме (шесть направлений).

Этап V: 2008 – ноябрь 2011 года. Постепенный спад активности молодежных оппозиционных движений при достаточно высокой активности проправительственных организаций.

С декабря 2011 года начался новый этап, что было обусловлено небывалым всплеском уличной политической активности.

В диссертационном исследовании рассматриваются соответствующие этим пяти этапам этапы развития практик акционизма.

Этап I: конец 1980-х – 1994 годы. Возникновение зачатков новых форм уличной самопрезентации на фоне традиционного советского уличного акционизма (демонстраций, митингов).

Этап II: 1995–1998 годы. Сформирована стилистика уличной деятельности молодежных политических объединений. Происходит осознание уличной активности как формы концептуального искусства. Возникают театрализованные формы уличного акционизма и акции прямого действия.

Этап III: 1999–2004 годы. Сформирован весь репертуар уличного акционизма (демонстрации, шествия, митинги, пикеты, театрализованные акции, перехватывающие действия и др.). Развиваются как форма акции прямого действия.

Этап IV: 2005–2007 годы. Массовые проправительственные организации сформировали стилистику массовой уличной акции.

Этап V: 2008 – ноябрь 2011 года. Разрабатываются уже существующие формы. Заранее запрещенные акции привели к более активному проведению микроспектаклей.

На протяжении всего рассматриваемого периода происходило накопление репертуара акций: наиболее удачные формы, найденные ранее, брались на вооружение последователями (конечно, при наличии необходимых ресурсов). Причем легко происходило заимствование не только внутри политических блоков, но и вовне. Например, перформансы и хэппенинги как формы политической акции были введены в оборот национал-большевиками во второй половине 1990-х годов, но впоследствии эта форма использовалась представителями всех других направлений, включая проправительственные. В этой связи одним из факторов успеха акций является придумывание и использование новых, никем еще не созданных форм.

Одни формы акций используются постоянно (как правило, это традиционные форматы – пикеты, шествия, митинги и проч.), другие – только на протяжении недолгого периода времени (напр., «продуктовый терроризм» был популярен только в 2000–2004 годах).

На протяжении всего рассматриваемого периода повышалась значимость для акционизма средств массовой коммуникации, в первую очередь Интернета, что обусловливалось ростом технических возможностей.

Также на протяжении всего периода происходило формирование нормативно-правовой базы, регламентирующей акционизм. Создавались новые законы, позволяющие государству контролировать уличные акции именно как специфические формы социального действия. При этом нельзя сказать, что усиление нормативных ограничений значительно изменило количество конфликтов между участниками акций и властями.

На основании анализа истории более чем шестидесяти молодежных политизированных сообществ делается вывод, что их политическая активность во многом обусловлена четырехлетним циклом, связанным с выборами Президента РФ и Государственной Думы РФ. Именно в годы выборов появляется наибольшее количество новых организаций (а также производится ребрендинг уже существующих), возникают серьезные изменения поля молодежных сообществ (парагр. II.3).

Иерархические структуры молодежных политизированных сообществ многообразны, но в целом сводятся к традиционной трехчастной схеме «лидеры – участники – сочувствующие». Рассматривая внутреннее строение молодежных политизированных сообществ, можно выявить определенные закономерности их возникновения и функционирования, в частности, корреляцию параметров групп со средним возрастом их участников и гендерным соотношением. Основной частью активистов являются студенты. Наблюдается приток активистов из провинции в столицу. Мотивация участия сводится к трем факторам: поддержка идеологии движения; общение и интересное времяпровождение; карьерные цели. По административной подчиненности выделяются независимые организации и организации, являющиеся официальными молодежными крыльями «взрослых» организаций («молодежки»). Источники финансирования для каждого сообщества особые; среди них членские взносы и пожертвования активистов, собственная экономическая деятельность, финансирование и материальная помощь со стороны «взрослых» партий и движений, финансирование и материальная помощь со стороны неполитических организаций, гранты, размещение рекламы на коммерческой основе. Несомненно, степень финансовой обеспеченности молодежных организаций различна: наиболее серьезное финансирование наблюдается у проправительственных организаций, наименьшие финансовые возможности у обществ, находящихся в глубокой оппозиции (парагр. II.4).

Молодежный политический активизм значительно различается территориально. Большинство уличных акций проводится в крупных городах, особенно в Санкт-Петербурге и Москве. Это обусловлено: близостью к центрам политических событий и СМИ, большой численностью населения, притоком активистов из провинции (парагр. II.4).

Во многих случаях молодежные политизированные организации прямо или косвенно руководятся и направляются «взрослыми» политическими организациями или отдельными политикантами. Это происходит через многообразные механизмы – административные, идеологические, финансовые, организационные и др. Молодежи во «взрослой» политике негласно отводится роль уличных активистов; место молодых – на пикете, митинге, уличном шествии. Люди среднего возраста, как правило, не очень-то хотят участвовать в акциях, считая это не соответствующим своему возрастному статусу, и уличная работа доверяется молодым (парагр. II.5).

Одним из ключевых факторов, обуславливающих параметры уличной акции, является ее соответствие законам (прежде всего закону № 54-ФЗ «О собраниях...»). Соответственно акции делятся на обычные (проводящиеся в рамках узаконенных норм и правил) и акции прямого действия (т.е. с нарушением закона). Эти две группы заметно различаются по специфике своей подготовки и проведения. Разрешенность или неразрешенность акции отражается на особенностях построения переднего плана и управлении впечатлением: подборе участников, зрителей, особенностях сценария, реквизита и т.д. Акции прямого действия производятся преимущественно оппозиционными сообществами (парагр. II.6).

Параграфы 7–9 главы II посвящены конкретизации предмета исследования. Можно выделить три вида практик, близких акциям прямого действия, но не совпадающих с ними. В основной части диссертации эти практики нами не рассматриваются.

1. Многие проправительственные организации уделяют много внимания социальной работе (шефство над детскими домами и пенсионерами, благоустройство территории, общественный контроль, организация стройотрядов и др.). В отличие от рассматриваемых нами практик эти акции не предполагают формирования четкого информационного посыла, хотя и могут иметь определенный общественный резонанс (парагр. II.7).

2. Акции насилия сводятся к агрессивным действиям, связанным с нанесением физического ущерба и террором. Наиболее известны избиения и убийства по этническому принципу, осуществляемые националистически настроенными группировками. В рассматриваемом нами политическом пространстве акции насилия осуществляются почти исключительно в ультраправой среде. В отличие от рассматриваемых нами практик эти акции производятся анонимно, предполагают политический информационный посыл только в той степени, в которой политика связана с межэтническими конфликтами. Как акции насилия можно рассматривать террористические действия, имеющие военный характер (парагр. II.8).

3. Пересечение политического акционизма и концептуального искусства дает определенное количество художественных акций, имеющих политическое звучание (наиболее известные представители в начале

1990-х – группа Э.Т.И., в конце 2000-х – группа «Война»). Участники таких акций, как правило, относятся к левым радикалам (анархистам). Отличия от традиционных политических акций: обобщенный и часто просто абстрактный характер протеста; возможность толковать информационный посыл акции двойственно (в то время как в политических акциях подчеркивается некая конкретная идея); нахождение за рамками существующих политических платформ, критическое отношение к политике в целом (парагр. II.9).

Одной из основных характеристик уличных молодежных акций является их экстремальность. Любая акция в большей или меньшей степени предполагает конструирование экстремальности для ее участников, причем это происходит не только в момент уличного действия, но и на этапе ее подготовки, а также после акции. Как показано в различных главах диссертационного исследования, это выражается в манипулировании контркультурной символикой, в провоцирующем поведении, в нагнетании обстановки опасности и др. Конструирование экстремальности значительно более типично для оппозиционных движений (парагр. II.10).

Глава III «Структурирование уличной политизированной акции на этапе групповой и личной подготовки» включает в себя рассмотрение формирования структуры акции до ее непосредственного начала – выработку стратегии деятельности группы и замысла конкретной акции, выбор формата акции, мобилизацию участников, личную подготовку, основные принципы акционизма.

Параметры акции обуславливаются ее стратегией. Определяется заранее, какой характер они будут иметь, будут ли это уличные театрализованные самопрезентации или социальная работа, насильственные акции; насколько часто они будут проходить; будут ли они проведены согласно требованиям закона или же это будут акции прямого действия; каков формат акций – шествия, митинги, пикеты, перформансы и др.; с какими движениями предполагается заключить коалиции; как будет осуществляться мобилизация участников; как будет осуществляться информационная поддержка; и др. Деятельность сообщества может включать в себя ряд одноразовых акций, а может – цикл акций по заранее сформированному плану. При выборе стратегии проведения акций не последнее место занимает сложившаяся стилистика сообщества, если предполагаемая акция не соответствует привычной стилистике, она может не получить поддержки у активистов (например, радикалы, привыкшие к акциям прямого действия, вряд ли будут охотно заниматься акциями, связанными с социальной работой; а добропорядочная молодежь, пришедшая в молодежное отделение уважаемой партии, вряд ли захочет заниматься экстремальной деятельностью) (парагр. III.1).

Как мы уже говорили, основной целью политической акции является создание информационного посыла – определенного идеологически и

политически выдержанного сообщения или образа. Для этого необходимо создать эффективную концепцию акции и сценарий, который должен: быть актуальным, ярким, запоминающимся, понятным, оригинальным и при этом простым в исполнении; быть интересным потенциальным участникам, СМИ и инвесторам; соответствовать ресурсным возможностям сообщества, его идеологическим и стилевым установкам; укладываться в стратегию деятельности сообщества; соотноситься с акциями других групп и течений своего политического направления; быть юридически неуязвимым и др.

Информационный посыл акции должен укладываться в систему ценностей, декларируемых сообществом. Для акции аксиологическая (ценностная) система – это основа, холст, на который организаторы и участники акции накладывают свои краски – замыслы, действия, интерпретации. Для каждого политического направления система ценностей своя, она предполагает идеал (сосредоточивший положительные качества) и антиидеал (предполагающий отрицательные качества). При выработке концепции акции и ее информационного посыла (а также в политической риторике) происходит манипуляция идеалами и антиидеалами.

Для того чтобы привлечь к акции активистов, необходимо выстроить ее концепцию так, чтобы в позитивных целях акции были максимально представлены значимые для сообщества ценности, а антиценности отсутствовали бы. Чтобы обеспечить максимальное привлечение ресурсов и достичь максимального информационного резонанса, имеет смысл максимально задействовать универсальные ценности. Присвоив универсальные ценности себе, необходимо присвоить политическим противникам антиценности, причем желательно тоже универсальные; удачным приемом будет такое выстраивание ситуации, при котором противник вынужден будет выступить против универсальных позитивных ценностей (парагр. III.2).

Информационный посыл акции определяется, помимо прочего, датой ее проведения. Как правило, мероприятие привязывается к какой-либо дате, значимой для движения, или же поводом является какое-нибудь политическое событие (парагр. III.3).

Успешность акции, эффективное формирование переднего плана акции и ее информационного посыла во многом зависят от того, насколько много людей примут участие в мероприятии: чем оно многолюднее, тем лучше.

Мобилизация участников акции обусловлена комплексом социально-политических факторов: актуальностью программы и идеологической концепции организации; наличием социальной базы, поддерживающей эту программу и концепцию; наличием имиджа и стиля деятельности, делающего членство в организации и участие в акциях привлекательным; наличием ресурсов, обеспечивающих деятельность организации; наличия

харизматического лидера, способного повести за собой людей, и проч. При недостаточности одного типа ресурсов приходится пользоваться другими; так, оппозиционные организации, не имея финансовых и административных ресурсов, вынуждены привлекать активистов, разрабатывающая привлекательную стилистику, основанную на идеологии, экстремальности и т.д.

Можно выделить ряд приемов, помогающих обеспечить увеличение численности участников: 1) мобилизации с привлечением административного и финансового ресурса (в том числе с помощью материального стимулирования, получения участниками определенных «бонусов» – подарков и благ, снятия с занятий студентов и школьников, покровительства со стороны государства и спецслужб); 2) встраивания в уже существующие протестные движения; 3) привлечения к акции иногородних участников; 4) проведения политической акции в формате шоу, привлекательного для молодежи; 5) создания коалиций; 6) проведения «перехватывающей» акции; 7) использования для мобилизации участников акции новейших технических средств коммуникации (парагр. III.4).

Ключевым моментом при организации акции является согласование или отсутствие согласования ее проведения с органами власти. Согласование производится в соответствии с законом РФ от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях...»; при этом указывается время проведения, формат акции, численность участников и т.д. Согласованные акции обычно не сопровождаются конфликтами с правоохранительными органами; напротив, милиция (с 2011 года – полиция) обеспечивает их безопасность. Исключениями являются случаи, когда участники акции выходят за рамки согласованных условий. Нарушение условий согласования и тем более принципиальный отказ от согласования автоматически переводят мероприятие в разряд акций прямого действия, что приводит к значительно более высокой экстремальности (парагр. III.5).

Подготовка акции предполагает индивидуальную подготовку ее участников, особенно это касается акций прямого действия. Создается ощущение экстремальности. В ходе акции личная инициатива участников как бы делегируется сообществу, участники становятся выразителями общей для всего сообщества идеи; большое значение имеет дисциплинированность. Существует определенный перечень правил, обеспечивающих безопасность участников: нельзя брать оружие (или что-то похожее на него), алкоголь (вообще, нельзя находиться на акции пьяным); не рекомендуется брать с собой деньги и ценности, носить рюкзаки и сумки; рекомендуется брать с собой паспорт и индивидуально необходимые средства (например, лекарства). В целом участник акции должен быть неуязвим и мобилен; его можно сравнить с солдатом, вышедшим на выполнение боевой задачи. Отправляясь на акцию, он вступает в пространство акции, предполагающее специфические «боевые» состояния актив-

ности, напряженности, бдительности, тревожности и инструментальной агрессивности (парагр. III.6). Формирование состояния экстремальности (особенно для акций прямого действия) начинается накануне акции. Еще до начала акции ожидаются и происходят конфликты разного типа (например, задержание по дороге на акцию) (парагр. III.7).

Одним из важнейших факторов безопасности участника политических акций является его юридическая неуязвимость. Для индивидуальной неуязвимости активисты в любой момент проведения акции должны опираться на юридические факты, зафиксированные в правовых документах. Высокая степень юридической неуязвимости – характеристика опытного оппозиционера.

Групповая юридическая неуязвимость проявляется в разработке юридически неуязвимого сценария, в отслеживании стратегии, тактики, лозунгов, изобразительных средств и проч. на предмет соответствия требованиям закона. Надо учитывать, что полиция, даже проявляя агрессию против участников акций, тоже старается вести себя согласно принципу юридической неуязвимости. Поэтому конфликты с представителями властей и с группами-противоборцами представляют, помимо прочего, состязания в юридической корректности действий и высказываний (парагр. III.8).

Наряду с принципом юридической неуязвимости одним из основных стратегических принципов современного политического акционизма является принцип ненасильственности. Ненасилие в политическом контексте представляет собой принцип и практику использования пассивного сопротивления как формы протеста и средства борьбы; это ключевой принцип акционизма во всем мире, он имеет более чем вековую историю.

Среди приемов ненасильственного поведения – демонстрация подчеркнутой миролюбивости и законопослушности протестующих, подчеркнутой уязвимости протестующих, подчеркнутой нелегитимности возможной агрессии (парагр. III.9).

Глава IV «Структура политической акции как уличного театрализованного действия» посвящена социально-антропологическому анализу собственно акции в момент ее проведения.

Для создания максимально эффективного информационного посыла организаторы политических акций нуждаются в зрителях; причем зрителей должно быть максимально много. Зрителями являются не те люди, которые оказались непосредственно в пространстве акции, а потребители информации, поступающей через СМИ и Интернет. Фактически акция исполняется для посредников – журналистов (не только профессионалов, но и любителей, например, блогеров), которые и призваны донести информацию об акции до максимально большого количества читателей, зрителей, слушателей (парагр. IV.1).

Декорации уличной акции – это, собственно, городской ландшафт, в котором акция происходит; подбор окружающего ландшафта может быть направлен на формирование соответствующего информационного посыла; имеет значение его эстетичность и смысловое соответствие сценарию акции.

Кроме того, важной «декорацией» для экстремального пространства акции являются сотрудники властных структур, присутствующие здесь: сотрудники милиции (в том числе, ОМОНа), работники ФСБ, солдаты внутренних войск и др. «Декорациями» также могут быть спецтехника (автозаки, водометы и др.), представители противоборствующих группировок. Такие «декорации» придают акции экстремальность (парагр. IV.2).

Для проведения уличной акции как театрализованного действия используется реквизит. Реквизит, презентующий идеи уличной акции, это, прежде всего, транспаранты, растяжки, распространяемые листовки и газеты, а также прочие предметы наглядной агитации, несущие словесную и образную информацию. К предметам субкультурной самопрезентации можно отнести всё, что несет групповую символику, в частности знамена. Для манипуляции вниманием используются фаеры (пиротехнические факелы).

Частью визуальной самопрезентации является внешний вид активистов: одежда, татуировки и др. Можно проследить различия в стиле одежды для представителей различных политических направлений. Так, в одежде оппозиционных молодежных сообществ преобладают черные и темные тона, в одежде проправительственной молодежи – светлые; темные цвета соответствуют эстетике скрытости, угнетенности, партизанской борьбы, смерти; светлые, напротив, демонстрируют открытость, легальность, респектабельность, позитивный настрой. Можно выявить семантику некоторых цветов, сформировавшуюся в дискурсе уличного политического акционизма: красного, оранжевого, белого, защитного, черного и др. (парагр. IV.3).

Законодательство РФ выделяет четыре типа уличных акций: митинг, демонстрацию, шествие и пикетирование; для каждого из этих типов прописана его специфика.

Кроме того, можно назвать: перехватывающие акции (происходит встраивание в мероприятие группы-противоборца и перетягивание внимания СМИ на себя); провокация (противник принуждается к действию, которое выставляет его в неприглядном виде); захват (активисты проникают в некое значимое помещение); блокирование (перекрывается пространство, что ведет за собой сбой в работе блокируемого учреждения или в протекании какого-либо процесса); прорыв оцепления; нанесение политического граффити. Большей частью это акции прямого действия.

Отдельного рассмотрения заслуживают театрализованные акции: перформансы и хэппенинги. Перформанс – квазитеатральное действо,

короткий спектакль, делающийся в одиночку или небольшой группой, обычно без словесного сопровождения. Хэппенинг – квазитеатральное действо, отличающееся от перформанса активным привлечением зрителей, которые осознанно или невольно могут становиться участниками спектакля. Как хэппенинги можно расценивать некоторые акции прямого действия.

В качестве отдельного типа можно указать заранее запрещенные выступления, ввиду своей специфики они распадаются на групповые и индивидуальные микроспектакли, которые исполняются активистами быстро, до момента их задержания.

Манипуляции статусом акции могут производиться в случаях, когда участникам нужно обойти запрет властей или обезопасить себя. Для этого вырабатывается оригинальная концепция мероприятия, не укладывающаяся в существующие ограничения закона и поэтому не подпадающая под запрет (парагр. IV.4).

В ходе акций используются разного типа тактические приемы; например, скандирование речёвок (кричалок), сцепка (соединение переплетением рук, не позволяющее растащить активистов), надругательство над предметом с символикой политического противника и др. (парагр. IV.5).

В ходе акции может измениться ситуация, и поэтому активисты должны быть готовы к импровизации, оперативному реагированию (парагр. IV.6). Оперативное руководство акцией как театрализованным действием осуществляет ведущий, который, помимо обеспечения оперативного реагирования, способствует поддержанию общего настроения активистов (парагр. IV.7).

Частью акции как спектакля может стать задержание активистов и их дальнейшее содержание в милиции; факт задержания способствует созданию информационного посыла (парагр. IV.8).

Отражением уличного акционизма является сленг молодежных политизированных сообществ. Его структура отражает специфическую деятельность молодежных политизированных сообществ (парагр. IV.9).

Глава V «Продолжение акции в виртуальном пространстве: структура активности и методы борьбы» посвящена действиям молодежных политических сообществ и отдельных активистов после окончания собственно акции. Происходит работа по формированию информационного посыла, которая является частью информационной борьбы в политическом пространстве.

После окончания уличных действий акция не заканчивается. Участники акций часто осуществляют застолье как объединяющий и снимающий стресс ритуал (парагр. V.1). Задача другой части активистов – создать правильный общественный резонанс мероприятия, приложить усилия к окончательному формированию и закреплению заявленного на акции информационного посыла. Пространством для обсуждения акции

служат пресса молодежных политических объединений, публицистика участников и организаторов акции, их интервью, информация в коммуникативных сетях. Однако по значимости и интенсивности общения все перечисленные информационные пространства перекрываются виртуальным пространством Интернета, включающим специализированные и неспециализированные сайты, форумы, блоги, социальные сети и т.д. (парагр. V.2).

Направленность освещения акций зависит от того, успешно она прошла или нет. В случае если акция удачна, успех закрепляется, фиксируются ее наиболее выигрышные моменты, акцентируется внимание на ситуациях успеха; еще раз (уже на победном фоне) излагаются основные положения политического посыла. Если же имело место поражение, осуществляются попытки компенсировать неудачу – производятся действия по переосмыслению событий (парагр. V.3).

Противоборствующие молодежные сообщества внимательно следят за ошибками друг друга, чтобы потом сделать на них акцент при информационном освещении акции (парагр. V.4).

Борьба в информационном пространстве предполагает создание сообществами политически ангажированных сообщений («информационных атак»), причем политические противники в ответ стараются создать встречную версию происходящего (осуществляют «информационную контратаку»). В режиме реальной информационной борьбы выделять «атаки» и «контратаки» сложно – вбросы информации идут со всех сторон. Каждое значимое событие трактуется всеми заинтересованными сторонами. Причем не совпадать могут не только толкования тех или иных событий, но и их описания. Вследствие интенсивной информационной борьбы политических течений друг с другом создается ситуация, при которой, получая информацию о том или ином событии, часто практически невозможно понять, где здесь правда, а где – выдумка (парагр. V.5).

Ошибку противника можно не только подметить и довести до всеобщего сведения, но и выдумать; обычной частью информационной борьбы является фабрикация компромата. Приемы фабрикаций компромата: изготовление компрометирующих документов, выстраивание компрометирующих ситуаций, крэкинг (взлом сайтов противника и размещение там ложной и порочащей информации), создание сайтов, компрометирующих противника, линкбомбинг (приведение поисковых систем к выдаче по запросу запрограммированного результата) и др. (парагр. V.6).

Среди стратегий и приемов информационной борьбы: информационная поддержка длительных, многоэтапных акций; поднятие информации в топе (что позволяет расширить число ее получателей); встраивание в сверхактуальную информационную волну; создание виртуалов для поддержки в Интернете и мн. др. Существуют также приемы информацион-

ной самозащиты, основанные на подборе юридически неуязвимых формулировок (парагр. V.7).

Можно выявить определенный набор критической риторики, используемой в адрес политических противоборцев: обвинения в фашизме, в потворстве со стороны милиции, в покровительстве со стороны ФСБ, в привлечении крупных финансовых и материальных ресурсов, в предательстве интересов России и т.д. (парагр. V.8).

Глава VI «Вариативность структуры акции в зависимости от ее масштаба» содержит рассмотрение зависимости различных параметров структуры акции от численности ее участников.

Наблюдается зависимость типа акций, которые проводят политизированные сообщества от численности этих сообществ. Для малых групп (до нескольких десятков человек) типично проведение пикетов и театрализованных акций. У групп среднего размера (несколько сотен человек) появляется возможность проводить митинги, шествия. Возможности массовых организаций увеличиваются еще больше; появляются такие приемы как создание «спламеров», униформирование и др. Таким образом, крупные группы имеют возможность использовать значительно больший репертуар акций (парагр. VI.1).

Высшая ступень протестной деятельности, основанной на акционизме – современные «цветные» революции. Их успешное проведение предполагает наличие в обществе недовольства существующей властью, основанного на значимых политических, социальных и экономических предпосылках. «Цветные» революции имеют подчеркнуто бескровный характер, сопровождаются мощной информационной борьбой (захватом информационного пространства), опираются на молодежь как ударную силу. Низкий уровень протестной активности в рассматриваемый период и отсутствие в России альтернативных ветвей власти не позволяют говорить о наличии здесь движений, близких к «цветным» революциям (парагр. VI.2).

Как говорилось выше, эмпирический материал, который используется в диссертации, собран до декабря 2011 года. Однако события зимы 2011–2012 годов дали множество дополнительной информации, позволяющей определить, насколько наши теоретические построения, сделанные на материале двух предыдущих десятилетий, соответствуют реальности. Надо сказать, что в целом теоретическая схема получила подтверждение, «устояла» под напором новых фактов. Но были и нововведения, обусловленные небывалым ранее форматом мероприятий. Изменение некоторых параметров акций как элементов структуры ведет к изменению других элементов структуры.

Значительное увеличение численности участников протестных акции привело к повышению легитимности их действий. Полиция стала более уступчивой и при возникновении конфликтов шла на компромиссы. При

уменьшении численности конфликты снова стали возникать и присутствие полиции в пространстве акции увеличилось

Увеличение среднего возраста участников акции стало, по нашему мнению, одним из факторов, обеспечивающих неагрессивный характер акции.

Привлечение к акции большого количества новичков, не имевших ранее опыта уличных акций и не объединенных в организации, привело к небывалому взлету индивидуальных самопрезентаций – массовому появлению «народных плакатов», манипуляций с одеждой, инсталляций, индивидуальных перформансов и хэппенингов. Новички не знали традиций групповой самопрезентации и пользовались привычными формами самопрезентации, почерпнутыми из Интернета.

То, что протестующие приходили на массовые митинги по одному, и маленькими группами, делало невозможным использование речевок. И наоборот, когда для шествий начали заранее формироваться колонны (то есть участники объединились в группы), начали исполняться речевки.

Массовые митинги, организуемые при минимальных затратах и при добровольном участии, привели к появлению волонтеров, работающих бесплатно и фактически берущих на себя некоторые функции ведущих.

Добровольный характер явки на массовые мероприятия привел к тому, что униформирование организаторами было доверено рядовым участникам – каждый должен был изготовить или выбрать для себя униформирующие предметы, проявив при этом творческий подход.

Глава VII «Уличная акция в культурно-историческом контексте» посвящена рассмотрению уличных акций молодежных политизированных сообществ в контексте других культурно-исторических явлений.

В качестве культурно-исторических прототипов современных уличных молодежных политизированных акций в России можно назвать: западные традиции уличного протеста; латиноамериканскую революционную эстетику; советские демонстрации; уличные политические самопрезентации конца 1980-х – 1990-х годов; концептуальное искусство; рок-культуру и практику проведения рок-мероприятий; субкультурные традиции (панков, скинхедов-наци, стрэйтэйджеров, спортивных фанатов и др.) (парагр. VII.1).

По многим параметрам уличные акции сопоставимы с категориями праздника и обряда. Так, проведено сопоставление акций с праздником по таким параметрам, как качественное отличие времени события от «обычного» времени (будней); наличие круга участников, имеющих общие ценности; сходство функциональных структур; драматургический характер действия; потребность сообщества. Обрядовость, часто являющаяся составной частью праздника или, наоборот, обуславливающая проведение праздника, сходна с акционизмом, помимо прочего, направ-

ленностью на программирование желаемого будущего. Выявлены и различия акции с праздником и обрядом.

Современные акции рассмотрены в контексте исторического развития праздничных форм в России – постепенной трансформации форм коллективной уличной самопрезентации, в ходе которого в качестве нового этапа появились и уличные политизированные акции. Молодежные уличные акции нужно рассматривать в рамках расширения в постсоветские десятилетия празднично-обрядовых практик; в частности, развития праздников малых социальных групп. Как и большинство праздников, уличные политические акции имеют определенное идеологическое наполнение, но, в отличие от большинства праздничных практик, они сосредоточены на продуцировании и максимально широкой трансляции информационного посыла (парагр. VII.2).

Заключение содержит резюме и выводы диссертационного исследования. На протяжении двух исследуемых десятилетий (с начала 1990-х до начала 2010-х годов) в России сформировалось поле молодежных политизированных сообществ, соответствующих практически всем видам политических идеологий. Исторически процесс возникновения данного поля был поэтапным. Синхронно этапам развития поля развивался и акционизм – способы политического активизма и самопрезентации молодежных политизированных сообществ. К окончанию рассматриваемого периода сформировался обширный репертуар акций.

Накопленный в ходе исторического развития массив эмпирических данных проанализирован нами с помощью методов структурного анализа и социальной драматургии, традиционно используемых в этнологии и структурной антропологии.

Структурный анализ позволяет выявить взаимозависимость различных элементов рассматриваемого явления и выстроить единую модель, способную описать всё разнообразие эмпирических данных при их вариативности; выявляется общая структура, изменение одних элементов которой влечет за собой изменение других элементов.

На основании анализа материалов, приведенных в диссертационном исследовании, мы видим, что все эмпирические данные, касающиеся уличных акций молодежных политизированных сообществ, выстраиваются в достаточно стройную структуру. Базовым элементом данной структуры является идеологическое позиционирование, предполагающее определенные системы ценностей; в рамках этих систем ценностей варьируются информационные послы, формируемые в ходе акций каждого направления и каждой группы.

С одной стороны, идеологическое позиционирование позволяет встроить каждое конкретное сообщество в единую структуру, включающую в себя шесть политических направлений, представляемых блоками сообществ – проправительственными, державными, левыми (коммуни-

стическими), леворадикальными, либерально-демократическими и ультраправыми. По отношению к власти эти сообщества делятся на проправительственные и оппозиционные. Оппозиционность можно условно разделить на менее (левые (коммунистические), державные, либерально-демократические группы) и более глубокую (леворадикальные, ультраправые группы). В целом шесть направлений составляют единое поле молодежных сообществ, сформировавшееся на протяжении двух постсоветских десятилетий.

С другой стороны, идеологическое и политическое позиционирование того или иного сообщества влияет на выбор им стилистики акционизма, формы самопрезентации. Чем ближе группа к проправительственным, тем больше она ориентирована на демонстрацию законопослушности, легальности, респектабельности, позитивного настроения. Напротив, глубоко оппозиционные группы склонны к радикальности, демонстрации маргинальности, военному стилю.

Чем глубже оппозиционность сообщества, тем чаще оно осуществляет акции прямого действия; проправительственные сообщества, напротив, устраивают только легальные согласованные мероприятия. Чем глубже оппозиционность, тем заметнее конструирование экстремальности. При этом что политические акции традиционных форматов устраивают участники всех направлений, показательны специфические формы акционизма, которые практикуются только проправительственными сообществами и только радикальными крыльями глубоко оппозиционных направлений. Только проправительственные сообщества ведут социальную работу, реализуют образовательные программы (то есть осуществляют легальную законопослушную деятельность). Только радикальная часть ультраправых осуществляет нелегальные акции насилия. Художественным акционизмом с политическим уклоном занимаются преимущественно анархисты, причем акции как правило выполняются в экстремальном панковском стиле. Различие в стилистике проявляется еще и в том, что ультраправые активисты, в отличие от представителей других направлений, не склонны к проведению перформансов и хэппенингов.

Символика цвета одежды также связана с позиционированием в системе «проправительственные – оппозиционные»: в одежде оппозиционных групп молодежи преобладают черные и темные тона (эстетике скрытости, угнетенности, партизанской борьбы, смерти), военный стиль; в одежде проправительственной молодежи – светлые.

Таким образом, идеологическое и политическое позиционирование сообществ влияет на выбор ими стилистики акционизма (специфических форм, степени экстремальности), формы самопрезентации (например, через одежду). Отражается оно в линиях межгрупповой напряженности, в специфике привлечения финансовых и административных ресурсов, в сленге, в информационных потоках и проч.

Нам представляется вероятным, что поле молодежных политизированных сообществ, существующее в России в рассматриваемое нами время, может изменяться; например, те или иные политические направления могут менять свою стратегию и стилистику акционизма, а могут и вообще исчезать. Однако мы предполагаем, что при любой исторической трансформации сложившееся поле молодежных сообществ будет представлять собой подобную структуру с взаимообусловленными компонентами.

Структурному анализу подвергается не только молодежный политический акционизм в целом, но и акция как типовой процесс, для этого нами используется метод социальной драматургии.

Метод социальной драматургии. Материалы, приведенные в диссертационном исследовании, показывают, что уличные акции молодежных политизированных сообществ можно рассматривать как театрализованные действия. Для их описания пригодна терминология концепции социальной драматургии Ирвинга Гофмана. Однако при этом необходимо перенести индивидуальное на групповое, то есть экстраполировать рассмотренные Гофманом индивидуальные самопрезентации и межличностные отношения на групповые самопрезентации и отношения этих групп с обществом и другими группами.

У уличных акций можно выявить такие элементы концепции Гофмана, как передний план (групповой и личный), сформированный исполнением; обстановку, сценическое оснащение; зоны переднего и заднего плана; приемы управления впечатлениями и т.д.

Согласно предложенному нами тезаурусу групповой уличной самопрезентации мы выделяем информационный посыл акции, ее зрителей, сценарий, стратегию и тактику, декорации и реквизит, ведущего, вторичное формирование ситуации.

Система возможных фреймов акций обусловлена: отнесением акции к тому или иному типу; отнесением сообщества, осуществляющего акцию, к тому или иному политическому направлению; наличием у сообщества собственного стиля проведения акций; юридическим статусом акции (отнесением ее к разрядам обычных или прямого действия), согласованных или несогласованных.

Причины существования уличного акционизма выявляются на основе изложенного в диссертации фактологического материала. Они сводятся к наличию объективных возможностей создания информационных посылов политического характера и субъективных потребностей в активизме.

1. Наличие в обществе социальных проблем, что стимулирует социальное действие по их решению (см. парагр. III.2).

2. Наличие молодежи, готовой с помощью уличной активности стимулировать решение социальных проблем и удовлетворять при этом собственные социально-возрастные потребности (см. парагр. II.4).

3. Наличие в обществе политических свобод и правовой базы, позволяющих осуществлять уличную политическую активность (см. парагр. II.2, III.3).

4. Наличие в политической сфере понимания эффективности уличных акций как социального действия, что стимулирует не только активность самой молодежи, но и стремление политиков к созданию молодежных организаций (см. парагр. II.3, II.4).

5. Наличие современных средств коммуникации и массовой информации, позволяющих транслировать информационный посыл акции на обширную аудиторию (см. парагр. V.1–V.8).

6. Наличие легкодоступной информации о российском и мировом опыте политического активизма (см. парагр. VII.1).

На основании материалов и анализа, приведенных в диссертационном исследовании, мы считаем правомерными и доказанными положения, вынесенные на защиту.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора

I. Монография

Уличные акции (молодежный политический активизм в России). М.: ИЭА РАН, 2012. – 510 с.

II. Научные статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Образ «эсхатологического нашествия» в восточнославянских поверьях // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 20–42.
2. Люберецкие уличные молодежные компании 1980-х годов: субкультура на перепутье истории // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 23–38.
3. Изучение молодежных субкультур России: современное состояние и проблемы // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 3–8.
4. Уличный театр молодежной политики: оппозиционные движения // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 19–30.
5. Межнациональная напряженность в Москве: возрастной и гендерный аспекты // Свободная мысль. 2008. № 2. С. 135–148.
6. Посещение достопримечательностей как часть современного свадебного обряда // Традиционная культура. 2008. № 2. С. 28–39.
7. Сленг молодежных субкультур: лексическая структура и особенности формирования // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 228–240.
8. Нормирование поведения в подростково-молодежных уличных сообществах (на материале советских городов, 1970–1980-е гг.) // Антропологический форум. Вып. 12. 2010 г. С. 353–374.
9. Исследования города // Антропологический форум. Вып. 12. 2010 г. С. 47–53.

10. «Советские неофашисты» и их мифологизация в общественном сознании (1980 – нач. 1990-х годов) // Традиционная культура. 2011. № 1. С. 156–168.
11. Карта человеческих желаний, или записки у стен московского монастыря // Традиционная культура. 2011. № 3. С. 76–87. [Совместно с А.Б. Ипполитовой].
12. Массовые митинги в Москве глазами антропологов, фольклористов, социологов // Антропологический форум. Вып. 16. Online. 2012. С. 106–107.
13. «Мы не оппозиция, а народ»: новые черты уличного политического акционизма // Антропологический форум. Вып. 16. Online. 2012. С. 135–153.
14. Современная молодежная речёвка // Традиционная культура. 2012. № 1. С. 127–139.
15. Антропология и социология // Антропологический форум. Вып. 16. 2012. С. 61–64.
16. Предвыборная неделя в новостях Первого канала // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 4. С. 44–49.
17. «Моральная паника» как механизм развития ряда молодежных сообществ Советского Союза и России // Историческая психология и социология истории. 2012. Т. 5. № 1. С. 164–178.
18. Слухи: закономерности возникновения и функционирования // Традиционная культура. 2011. № 1. С. 142–179. [Вступ. статья].
19. Фольклор молодежных сообществ // Традиционная культура. 2012. № 1. С. 117–169. [Вступ. статья].
20. Ощупывая Интернет. Рецензия на книги: Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности. Сборник статей. М.: ГРЦРФ, 2007; Интернет и фольклор. Сборник статей. М.: ГРЦРФ, 2009 // Антропологический форум. Вып. 13. 2011. С. 317–325. [Рецензия].
21. Молодежный жаргон в «зеркале» словаря. Рецензия на: Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. М.: Эксмо, 2007 // Антропологический форум. Вып. 15. 2011. С. 357–362. [Рецензия].
22. Научная конференция «"Мужское" в традиционном и современном обществе» // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. [Совм. с И.А. Морозовым]. С. 147–152. [Рецензия].
23. Фольклор XXI века: Герои нашего времени // Антропологический форум. Вып. 16. Online. 2012. С. 322–335. [Обзор конференции, совм. с М.Д. Алексеевским].

III. Статьи в иностранных рецензируемых журналах

1. Mass Protests in Moscow Through the Eyes of Anthropologists, Folklorists and Sociologists // Forum for Anthropology and Culture. 2012. No. 7. P. 1–2.
2. We Are Not the Opposition, We Are the People': New Features of Street Political Activism // Forum for Anthropology and Culture. 2012. No. 8. Pp. 231–249.
3. Answers to Forum 'City Culture, Urban Culture' // Forum for Anthropology and Culture. 2011. No. 7. Pp. 67–72.
4. Feeling One's Way Round the Internet (Review of books: Folk-art-net: novye gorizonty tvorchestva. Ot traditsii – k virtualnosti: sb. statey [Folk-Art-Net: New Horizons of Creativity. From Tradition to Virtuality: Articles]. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskiy tsentr russkogo folklora, 2007. 200 pp.; Internet i folklor: sb. statey [The Internet and Folklore: Articles]. Moscow: Gosudarstvennyi res-

publikanskii tsentr russkogo folklor, 2009. 320 pp.) // Forum for Anthropology and Culture. 2012. No. 8. Pp. 339–346.

IV. Прочие публикации в научных изданиях

1. Юношеские инициации как один из способов облегчения прохождения возрастного кризиса // Тезисы докладов. Международная психологическая конференция «Психическое развитие в онтогенезе: закономерности и возможные периодизации». М.: РГГУ, 2000. С. 28–30.
2. Традиционные юношеские инициации и современная точка зрения на подростковый кризис // Проблемы психологии развития. Материалы международной психологической конференции «Психическое развитие в онтогенезе: закономерности и возможные периодизации». М.: РГГУ, 2000. С.28–30.
3. Возрастные инициации: пути историко-психологической реконструкции (по фольклорным и историческим источникам) // Тезисы докладов. Международная конференция «История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий» (2–5 февраля 2000 г.). Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. С. 100–103.
4. Психологические изменения подростков вследствие педагогических работ инициационного типа // Труды Института психологии им. Л.С. Выготского Российского Государственного Гуманитарного Университета. Выпуск 1. М.: РГГУ, 2001. С. 222–232.
5. Возрастная инициация как элемент воспитания: традиция и современность // Ритуальное пространство культуры. Материалы международного форума. 26.02-07.03.2001. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 145–146.
6. Роль юношеских инициационных посвящений в традиционном и современном обществе. Доклад на III конференции «Языки традиционной культуры» (РГГУ, Лаборатория фольклора историко-филологического факультета) // www.rutenia.ru (сайт кафедры русской литературы Тартусского университета)
7. Психологические изменения, наблюдающиеся у солдат срочной службы и курсантов военных вузов вследствие прохождения службы (обучения) // Исследования обучения и развития в контексте культурно-исторического подхода: Материалы вторых чтений памяти Л.С. Выготского. Москва, 15–17 ноября 2001 года / Под ред. Е.Е. Кравцовой, В.Ф. Спиридонова, Ю.Е. Кравченко. М.: Смысл, 2002. С. 5–17.
8. Спонтанные процедуры инициационного типа в современном обществе // «Мужское» в традиционном и современном обществе. Материалы научной конференции (16–18 апреля 2003). С. 25–26.
9. Социально-психологические причины воспроизводства обряда посещения «свадебных достопримечательностей» // Материалы Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». (14–16 окт. 2003 г.): В 3-х тт. / Под ред. В.К. Шабельникова, А.Г. Лидерса. Т. 1. М.: РАО, 2003. С. 46–52.
10. Образ «эсхатологического нашествия» в восточнославянских поверьях // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 20–42.
11. Взросление через деятельность в молодежных группах (гендерный аспект) // Женщина и мужчина в современном обществе. Сборник статей. Вып. 1. Нижний Новгород, 2004. С. 153–164.

12. Вступление в брак и окончание периода молодежной социализации // Материалы интернет-конференции «Психологические проблемы современной российской семьи – 2004».
13. Молодежные субкультуры: опыт классификации // «Мужское» в культурном контексте города. Материалы научной конференции (22–24 апреля 2004 г.). М.-СПб., 2004. С. 15.
14. Мистическое запугивание как устойчивый гендерный стереотип // «Мужское» в культурном контексте города. Материалы научной конференции (22–24 апреля 2004 г.). М.; СПб., 2004. С. 15–17.
15. Молодежь в салонах Серебряного века // Международная научная конференция «Пушкинские чтения – 2005» (06.06.2005). Повседневность в мировой и отечественной культуре, литературе, искусстве. СПб.: ЛГУ, 2005.
16. Молодежь: межгрупповая вражда // VI Конгресс этнографов и антропологов России (СПб, 28.06-02.07.2005). СПб, 2005. С. 79.
17. Любера: история субкультуры // VI Конгресс этнографов и антропологов России (СПб, 28.06-02.07.2005). СПб, 2005. С. 296.
18. Запугивание и ухаживание: гендерный стереотип // Материалы второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи» (25–27 октября 2005): В 3-х частях / Под ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. Т. 1. М., 2005. С. 300–302.
19. «Поляна невест» близ Анциферово // Гуслицы. Краеведческий альманах. Вып. 2. Ильинский погост, 2005. С. 130–131.
20. Диалектика юношеского развития // Философские проблемы науки и образования. М.: МГПУ, 2006. С. 164–175.
21. Процессы перехода и rites de passage (на материалах современного российского общества) // Социология и общество. М.: МГПУ, 2006. С. 83–109.
22. Субкультура поэтических салонов Серебряного века: социологический очерк (по произведениям Б.А. Зайцева) // Наследие Б.К. Зайцева: проблематика, поэтика, творческие связи. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Б.К. Зайцева. 18–20 мая 2006 года. Орел: ОГУ, ОГЛМТ, ИСМО РАО, НИИ филологии ОГУ, 2006. С. 177–182.
23. Молодежь: конструирование экстремальности // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации / Сост. И.А. Морозов. М.: Индрик, 2007. С. 67–83.
24. Прагматика современной молодежной речевки // Труды ученых МГПУ. Вып. 4. М.: МГПУ, 2007. С. 148–156.
25. Молодые коммунисты Москвы: мотивация участников молодежных политических объединений // Социализм как реальность: прошлое, настоящее, будущее. Пятое Марксовское чтение: Сб. науч. трудов по материалам Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Г.В. Плеханова (г. Нижневартовск, 11 декабря 2006 г.). Памяти профессора В.Д. Жукоцкого / Отв. ред. З.Р. Жукоцкая, Е.С. Борзов. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного гуманитарного ун-та, 2007. С. 236–239.
26. Пацанская одежда: 1980-е // Материалы интернет-конференции «Мужская повседневность: труд, досуг, духовная жизнь». 2007. <http://mujskoe.lodya.ru/МК-2007.htm>. [Тезисы:] Пацанская одежда: 1980-е //

- Мужская повседневность: труд, досуг, духовная жизнь. Тезисы интернет-конференции. М.: ИЭА РАН, 2007. С. 8–9.
27. «Соревнование маскулинностей» как один из аспектов межнациональной напряженности в Москве // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / Под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М.: РУДН, 2007. С. 367–403.
 28. «Моральная паника» как инструмент манипуляции (на примере молодежных сообществ СССР и России) // VII Конгресс этнографов и антропологов России: Доклады и выступления. Саранск, 2007. С. 384.
 29. Молодежная политическая акция: стратегия и тактики проведения // VII Конгресс этнографов и антропологов России: Доклады и выступления. Саранск, 2007. С. 186.
 30. Экстремальное поведение как характеристика юношеского возраста (на современном российском материале) // VII Конгресс этнографов и антропологов России: Доклады и выступления. Саранск, 2007. С. 443.
 31. Уличные самопрезентации молодежных политических движений в России // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность. Сборник статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 198–212.
 32. Молодежная политическая акция: стратегия и тактика поведения // Наша повседневная жизнь. Антропологические исследования российских и сербских ученых / Отв. ред. М.Ю. Мартынова, Д. Радойичич. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 23–56.
 33. Создатели субкультур // Славянская традиционная культура и современный мир. Выпуск 11: Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь. Сборник научных статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 94–103.
 34. Любера: как становились пацанами // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. Вып. 10. М.: НЛЮ, 2009. С. 177–200.
 35. Пацанские правила: нормирование поведения в уличных группировках // Молодые москвичи. Кросскультурные исследования / Под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М.: РУДН, 2008. С. 427–457. [Совм. с С.А. Стивенсон].
 36. Субкультуры большого города: единство непохожих // Молодежные субкультуры Москвы. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 5–25.
 37. Движение «Наши»: 2007 год // Молодежные субкультуры Москвы. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 115–172.
 38. Молодые коммунисты Москвы: некоторые закономерности формирования молодежных политических групп // Молодежные субкультуры Москвы. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 173–194.
 39. Сленг молодежных субкультур: лексическая структура и особенности формирования // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 228–240.
 40. Модель для сборки: «реконструкция» как фактор возникновения молодежных субкультур // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 12. Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры. М.: ГРЦРФ, 2009. С. 217–232.

41. Подростково-молодежные уличные группировки как объект этнографического исследования // Молодежные уличные группировки: введение в проблематику. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 8–72.
42. Пацанские правила: (на материалах московского региона, 1980–2000-е годы) // Молодежные уличные группировки: введение в проблематику. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 94–123. [Совм. с С.А. Стивенсон].
43. Скинхеды-наци Москвы: конструирование маскулинности // Молодежные уличные группировки: введение в проблематику. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 209–256. [Совм. с С.В. Беликовым].
44. Опросник для исследования молодежных уличных группировок // Молодежные уличные группировки: введение в проблематику. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 257–268.
45. «Свадебные достопримечательности»: ландшафт и современные молодежные обряды перехода // Очерки русской народной культуры / Отв. ред. и сост. И.В. Власова. М.: Наука, 2009. С. 502–526.
46. Уличные пацанские группировки: общие характеристики и пути исследования // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Оренбург, 2009. С. 271.
47. Сексизм в уличных пацанских группировках: реальность или миф? // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Оренбург, 2009. С. 504.
48. Фольклор молодежных субкультур: закономерности формирования и проблемы исследования // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник материалов. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. С. 134–150.
49. «Вы меня не ждите...»: что фиксируется на современных могильных памятниках // Живая старина. 2010. № 1. С. 30–33.
50. Молодежные субкультуры и их мифологизация в обществе // Живая старина. 2010. № 3. С. 6–8.
51. Пацан как объект научного исследования // Славянская традиционная культура и современный мир. Выпуск 14: Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период. Сборник научных статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. С. 364–373.
52. Конструирование маскулинности в современных молодежных сообществах // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 459.
53. «Зайчик + Зайка = любовь»: навешивание замков как новая свадебная традиция // Живая старина. 2011. № 2. С. 36–39. [Совм. с Виноградовым В.В., Коршунковым В.А., Красиковым М.М., Матлиным М.Г.].
54. Многоуважаемый Творец...», или любовные заговоры в водочной бутылке // Живая старина. 2011. № 3. С. 43–44. [Совместно с М.Д. Алексеевским].
55. Контркультурность: новые образы // Сайт Московского Дома национальностей. http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/dv_gromov_.html.
56. [Обзор конф.] Конференция «Фольклор XXI века: Герои нашего времени» // Живая старина. 2012. № 3. С. 69–71.

V. Научное редактирование и составительская работа

1. Молодежные субкультуры Москвы / Сост. Д.В. Громов, отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009. – 544 с.
2. Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / Сост. Д.В. Громов, отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: ИЭА РАН, 2009. – 340 с.
3. Мужской сборник. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе. М., 2004.
4. Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации / Сост. И.А. Морозов. М.: Индрик, 2007. – 264 с.
5. Энциклопедия сакральной географии / Авт.-сост. Д.В. Громов. М.: Ультракультура. 2005. – 648 с.
6. «Мужское» в традиционном и современном обществе. Материалы научной конференции (16–18 апреля 2003). М., 2003. – 92 с.
7. «Мужское» в культурном контексте города. Материалы научной конференции (22–24 апреля 2004 г.). М.-СПб., 2004. – 56 с.
8. Материалы интернет-конференции «Мужская повседневность: труд, досуг, духовная жизнь». 2007. <http://mujskoe.lodya.ru/МК-2007.htm>.
9. Мужская повседневность: труд, досуг, духовная жизнь. Тезисы интернет-конференции. М.: ИЭА РАН, 2007. – 28 с.